

— На второй день я возьму Цзыцина с собой, мы вернёмся из храма Цзиньхуа и зайдём в дом Бай, чтобы навестить тётю, — Ин Цань убрал безразличное выражение лица и улыбнулся. — С Бай Шу он всегда был особенно терпелив.

— Время уже позднее, я пойду, — Бай Шу первым попрощался, с ожиданием в глазах, связанным с несколькими предстоящими днями, он выглядел очень радостным.

Ин Цань смотрел на его удаляющуюся спину, скрестив руки за спиной, и медленно прищурился на поднимающееся солнце. Он подошёл к беседке, словно о чём-то размышляя.

Рыбы в пруду всплывали и снова прятались в водорослях. Евнух Цинь, услышав сообщение от маленького евнуха, подошёл и спросил:

— Солнце уже высоко, Ваше Величество, не стоит стоять здесь, берегите глаза.

— Как дела у Бай Цзыцина?

При упоминании Бай Цзыцина улыбка на лице евнуха Циня не исчезала.

— Он закончил устанавливать правила и теперь пьёт чай с людьми из всех покоев.

Ин Цань тихо рассмеялся.

— Он всё же знает, что хорошо, а что плохо... Пойдём, посмотрим.

До того как пришёл Ин Цань, Бай Цзыцин уже успел поспорить с людьми из всех покоев, сказав всё, что хотел, и выпил весь чай.

Ин Цань настаивал на соблюдении приличий, чтобы оставить его на месяц, и он остался. Стиснув зубы или нет, время летело быстро, и всё проходило в мгновение ока. Он даже специально велел Сяо Цзю упаковать все вещи из бокового покоя, которые ему понравились, чтобы потом, сообщив евнуху Циню, перевезти их в свои покои, как только они будут готовы. Это было удобно и не требовало, чтобы Ин Цань что-то ему дарил.

Бай Цзыцин легко переступил через свои внутренние барьеры. Ненависть оставалась ненавистью, но вещи брать было не грех. Та каллиграфия Ван Сичжи всё ещё лежала в шкатулке, и Бай Цзыцин, боясь моли, велел Сяо Цзю положить ароматические шарики, чтобы отпугнуть насекомых, и даже малейшую пыль сметал.

Все дела в гареме изначально были устроены людьми, и Бай Цзыцин прекрасно понимал, что никакого устройства не было, просто хотели показать им, кто здесь главный. Зачем ещё тратить силы на выбор места?

Насытившись, он велел Сяо Цзю подмести боковой покой и собрал всех.

В небольшом боковом покое, оглядев присутствующих, он заметил, что хуже всех выглядела Синь из семьи Юань. Она пришла последней со своей служанкой, и Бай Цзыцин, указывая на неё, велел ей сесть в самом конце. Она, естественно, была в ярости, и Сяо Цзю, подойдя к ней, ничего не смог сделать, они спорили долгое время.

Бай Цзыцин с силой закрыл чашку и позвал Сяо Цзю обратно, сказав, что если она не хочет сидеть, пусть стоит и слушает, никто её не заставляет. Эти слова заставили её разорвать платок в руках.

Фан Цзин был одним из первых, кто пришёл. Он сидел рядом с Бай Цзыцином, и его выражение лица тоже было не самым приятным. Сидя так близко, даже если бы он был глуп, он бы понял, что этот легендарный «феникс» был тем самым человеком, которого он встретил на ночном рынке. А Ин Цань не только заговорил с ним, но и после спросил его имя и даже подобрал его нефритовую подвеску.

Фан Цзин, думая об Ин Цане, немного отвлёкся. Боковой покой Чертога Ганьлу был не очень большим, и людей у Ин Цаня было много. Бай Цзыцин, собрав всех и устроив чаепитие, немного переборщил. Не будь прошлой вражды, он сидел бы так близко, что Бай Цзыцин сразу его заметил.

И тогда Бай Цзыцин велел Фан Цзину повторить то, что он только что сказал.

Все в покое, одетые в роскошные наряды мужчины и женщины, мгновенно замолчали. Фан Цзин помолчал мгновение, затем, нахмурившись, встал и подошёл к передней части покоя, опустившись на колени. Бай Цзыцин чётко услышал, как Сяо Цзю за его спиной вздохнул.

— Я велел тебе повторить мои слова, почему ты встал на колени? — Бай Цзыцин улыбнулся. — Должно быть, я только что прибыл и не знаю твоего характера, но я не император, и эта привычка становиться на колени при виде людей не очень хороша.

Он поднялся с главного места, подошёл к Фан Цзину и, всё ещё улыбаясь, помог ему подняться:

— Скажу тебе, что я только что говорил об этом правиле: вставать на колени нужно только тогда, когда это необходимо, и не думай, что ты какой-то особенный и можешь не считаться с другими. Я говорю это заранее, это касается всех. Император любит тебя, это его дело, но если нет прямого приказа, он не будет тебя воспитывать, но найдётся тот, кто сделает это за него, — Бай Цзыцин поднял Фан Цзина.

Тот сегодня снова был одет в светло-зелёное, что сильно контрастировало с тёмно-синим Бай Цзыцина.

Бай Цзыцин признал, что одной из причин, по которой он любил так одеваться в прошлой жизни, был Фан Цзин. Но разные люди выглядели по-разному, и в той жизни он не смог передать и тысячной доли красоты Фан Цзина, так что в этой жизни он решил просто быть собой.

Фан Цзин, опустив глаза, встал, ничего не сказав. Бай Цзыцин не стал с ним спорить, только повернулся и сделал пару шагов назад, как за его спиной раздался голос евнуха: Ин Цань прибыл.

Пришёл чертовски вовремя.

Бай Цзыцин с удивлением повернул голову, и Фан Цзин снова опустился на колени. Его поведение выглядело настолько естественным, что нельзя было заподозрить его в умысле, словно он споткнулся о что-то и, стараясь быть сильным, не выглядел жалким.

Ин Цань, с его острым взглядом, быстро подошёл к ним, когда Фан Цзин «с трудом» поднимался. Он сначала взглянул на Бай Цзыцина, а затем, протянув руку, поднял Фан Цзина и посадил его на место.

Бай Цзыцин почувствовал головную боль, но, к счастью, он не посадил его рядом с собой на

главное место, иначе он бы предпочёл выколоть себе глаза, лишь бы не видеть эту раздражающую сцену.

Сяо Цзю стоял рядом с ним, тяжело дыша, и, увидев это, глаза его округлились. Бай Цзыцин бросил на него взгляд, и тот наконец замолчал.

Ин Цань, посадив Фан Цзина, дождался, пока Бай Цзыцин проведёт церемонию приветствия, и сел на главное место, спросив у Бай Цзыцина:

— Что здесь происходит?

— Сегодня утром подали отличный цветочный чай, и я решил поделиться им со всеми, — ответил Бай Цзыцин.

— Правда? А где же чай?

— Ваше Величество, не вовремя пришли. В следующий раз приходите пораньше.

Ин Цань слегка прищурился, он совсем не выглядел так, будто собирался злиться, но в его голосе чувствовались нотки будущего разбирательства.

— Почему Юньхуа был на коленях?

— Ваше Величество... — Фан Цзин заговорил. — Я отвлёкся и не смог ответить на вопрос господина, поэтому должен был встать на колени. Это не имеет отношения к господину.

Наконец-то ты стал похож на себя, Фан Цзин.

Бай Цзыцин улыбнулся.

— Да, какое это имеет ко мне отношение? Я не заставлял тебя и не ругал, даже сам помог тебе подняться. Должно быть, плитки в этом боковом покое неровные, и ты споткнулся, — он указал на шкатулку неподалёку, и Сяо Цзю, поняв намёк, быстро поднёс её. — Говоря о правилах, всё зависит от сердца. Эта нефритовая подвеска с драконом паньчи — редкое сокровище, заберите её обратно, — Бай Цзыцин спокойно сказал. — Чай выпит, на сегодня всё. Ваше Величество, есть ли что-то ещё, что вы хотите сказать?

Они сидели рядом, и, повернувшись друг к другу, их взгляды встретились, создавая ощущение противостояния. Его взгляд, взгляды людей в покое, евнухов, служанок — всё это было против него.

Бай Цзыцин вдруг встал, и Сяо Цзю быстро подбежал к нему, смотря на него широко раскрытыми глазами. Бай Цзыцин ничего не сказал, только попрощался и, сопровождаемый этими взглядами, первым вышел из покоя. Самой близкой к двери была Юань Синь. Бай Цзыцин почувствовал её сильный аромат, но так и не смог понять, что это за запах. Он нахмурился, размышляя, и только выйдя из покоя, услышал, как Сяо Цзю робко прошептал:

— Эта красавица только что ругала господина.

Бай Цзыцин запоздало осознал.

— А я не слышал.

— А?...

После этого дня Бай Цзыцин наконец смог успокоиться. Его собрание по установлению правил оказалось весьма эффективным, и несколько раз в Императорском саду он встречал тех, с кем не ладил в прошлой и этой жизни, и всё проходило мирно, что было радостно. Кроме того, многие начали заигрывать с ним, желая сблизиться, и группами обсуждали плохие поступки Фан Цзина и Юань Синь. Бай Цзыцин любил тишину, он читал «Бэймэн соянь», выборочно фильтруя их сплетни, но не отказывал им.

Но с того дня отношение Ин Цаня к нему стало ещё более неопределённым. Он возвращался в Чертог Ганьлу, но ужинал всё чаще у Фан Цзина, иногда задерживаясь настолько, что Бай Цзыцин уже ложился спать, прежде чем он возвращался. Бай Цзыцин писал письма Цуй Даожуну, не обращая на это внимания, и они несколько дней не обменялись ни словом.

<http://bllate.org/book/16479/1496773>